

Legal Regulation of Personal Data Protection for Minors in The Digital Environment: A Comparative Legal Analysis

Elnora Bekzodjonovna Mamanorova

Master's Student, Tashkent State University of Law

e-mail: elnoramamanorova@gmail.com

Abstract

The article examines the legal mechanisms for protecting minors' personal data in the digital environment. A comparative legal analysis of key foreign regulatory models is conducted: GDPR (EU), Children's Code (UK), COPPA (USA), LGPD (Brazil) and PIPL (China). Systemic gaps in the current legislation of the Republic of Uzbekistan are identified, and specific proposals for the adoption of a special law on the protection of children's and adolescents' personal data are formulated.

Keywords: Personal data, minors, digital environment, protection of children's data, GDPR, COPPA, Children's Code, legislation of Uzbekistan, right to be forgotten, profiling.

Introduction

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Маманорова Эльнора Бекзоджоновна

Магистрант Ташкентского государственного
юридического университета

e-mail: elnoramamanorova@gmail.com

Аннотация

В статье исследуются правовые механизмы защиты персональных данных несовершеннолетних в цифровой среде. Проводится сравнительно-правовой анализ ключевых зарубежных моделей регулирования: GDPR (ЕС), Children's Code (Великобритания), COPPA (США), LGPD (Бразилия) и PIPL (КНР). Выявляются системные пробелы действующего законодательства Республики Узбекистан и формулируются конкретные предложения по принятию специального закона о защите персональных данных детей и подростков.

Ключевые слова: персональные данные, несовершеннолетние, цифровая среда, защита данных детей, GDPR, COPPA, Children’s Code, законодательство Узбекистана, право на забвение, профилирование.

Введение

Стремительная цифровизация детской жизни выдвигает вопрос правовой охраны персональных данных несовершеннолетних в число наиболее актуальных проблем современного информационного права. По данным ЮНИСЕФ, каждый третий пользователь сети Интернет в мире является ребёнком,¹ что означает ежедневное генерирование колоссальных массивов детских данных, используемых коммерческими операторами в целях поведенческой рекламы, профилирования и продажи третьим лицам. Особая уязвимость несовершеннолетних как субъектов цифровых правоотношений обусловленная возрастными особенностями восприятия, ограниченной цифровой грамотностью и зависимостью от решений законных представителей получила закрепление в статье 16 Конвенции ООН о правах ребёнка.² Между тем действующий Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» от 2 июля 2019 года № ЗРУ-547³ не содержит ни одной специальной нормы о правовом статусе несовершеннолетних субъектов данных, что образует системный регуляторный пробел в условиях масштабной цифровизации страны.

Конституция Республики Узбекистан в Новой редакции впервые прямо закрепила право каждого на защиту персональных данных.⁴ Однако конституционная норма нуждается в отраслевой конкретизации, прежде всего применительно к наиболее уязвимой категории субъектов - детям и подросткам. Настоящая статья направлена на системный анализ зарубежных правовых решений в данной сфере и разработку конкретных предложений для национального законодателя.

1. Несовершеннолетние как особая категория субъектов персональных данных

Специфика несовершеннолетних как субъектов персональных данных определяется тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, возрастной уязвимостью: ребёнок не в состоянии в полной мере оценить долгосрочные последствия передачи персональных сведений цифровым операторам. Во-вторых, ограниченной дееспособностью, исключающей возможность самостоятельного и полностью осознанного согласия на обработку данных в раннем возрасте. В-третьих, особыми рисками цифровой среды - С. Ливингстон и М. Стоилова систематизируют их в рамках концепции «4С», охватывающей риски контента, контакта, поведения и договорных отношений.⁵

Принципиальное значение имеет Общий комментарий № 25 Комитета ООН по правам ребёнка (2021), впервые системно распространивший все права, закреплённые в Конвенции

---

¹ UNICEF. The State of the World’s Children 2017: Children in a Digital World. New York: UNICEF, 2017. P. 3.

² Конвенция ООН о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. Ст. 16. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

³ Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547. <https://lex.uz/ru/docs/4396301>

⁴ Конституция Республики Узбекистан (ред. 2023 г.). <https://lex.uz>

⁵ Livingstone S., Stoilova M. The 4Cs: Classifying Online Risk to Children. CO:RE Short Report Series. Hamburg: HBI, 2021. P. 5.

о правах ребёнка, на цифровую среду.⁶ Комментарий прямо предписывает государствам принять меры по защите детей от систематического профилирования, поведенческого таргетинга и иных форм коммерческого использования их данных без надлежащего согласия. Ш. Зубофф характеризует подобные практики как «инструментальную власть» платформ, способных не просто предсказывать, но и формировать поведение детей-пользователей.⁷

2. Зарубежные модели правового регулирования: сравнительный анализ

Наиболее системным региональным инструментом является Общий регламент о защите данных ЕС (GDPR, 2018). Статья 8 GDPR устанавливает возрастной порог цифрового согласия 16 лет (государства вправе снизить до 13 лет), ниже которого обработка данных допустима лишь при согласии законного представителя.⁸ Статья 17 закрепляет «право на забвение», позволяющее удалить данные, собранные в детском возрасте без осознания последствий.⁹ Статья 25 обязывает операторов применять принцип защиты данных при проектировании и по умолчанию, включая максимально конфиденциальные настройки для детских сервисов.¹⁰

Британский Кодекс надлежащего возрастного проектирования (Children's Code, 2021) развивает GDPR в части онлайн-сервисов, вводя 15 обязательных стандартов. Его центральным принципом является «наилучший интерес ребёнка» как системообразующий критерий законности любой обработки данных несовершеннолетних.¹¹ Стандарт минимизации данных запрещает собирать о детях информацию сверх необходимого,¹² а стандарт профилирования вводит прямой запрет на коммерческое профилирование несовершеннолетних.¹³

Американская COPPA (1998) стала первым в мире специализированным законом о защите данных детей в сети, установив обязательное верифицированное родительское согласие для операторов, работающих с детьми до 13 лет.¹⁴ Показательна правоприменительная практика: в 2019 году Федеральная торговая комиссия взыскала с Google/YouTube штраф в 170 миллионов долларов за незаконный сбор данных детей без родительского согласия.¹⁵ Бразильский LGPD (2018) имплементировал принцип «эволюционных способностей ребёнка»: статья 14 устанавливает отдельные режимы для детей до 12 лет (исключительно согласие законного представителя) и подростков 12–18 лет.¹⁶ Китайский PIPL (2021) в

---

⁶ Комитет ООН по правам ребёнка. Общий комментарий № 25 (2021) о правах детей в цифровой среде. CRC/C/GC/25. П. 1.

⁷ Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019. P. 63.

⁸ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (GDPR). OJ L 119, 4.5.2016. Art. 8(1).

⁹ GDPR. Art. 17. OJ L 119, 4.5.2016. P. 43.

¹⁰ GDPR. Art. 25. OJ L 119, 4.5.2016. P. 49.

¹¹ Information Commissioner's Office. Age Appropriate Design: A Code of Practice for Online Services. London: ICO, 2021. Standard 1.

¹² Children's Code. Standard 4: Data minimisation. ICO, 2021. P. 18.

¹³ Children's Code. Standard 12: Profiling. ICO, 2021. P. 46.

¹⁴ Children's Online Privacy Protection Act of 1998 (COPPA). 15 U.S.C. §§ 6501–6506.

¹⁵ Federal Trade Commission v. YouTube, LLC. Stipulated Order for Civil Penalties. Civil Action No. 1:19-cv-02420. U.S. District Court for the District of Columbia, 2019.

¹⁶ Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD). Lei N° 13.709, de 14 de agosto de 2018. Art. 14.

статье 31 обязывает операторов разрабатывать специальные правила обработки данных несовершеннолетних до 14 лет и получать согласие родителей.¹⁷

Сравнительный анализ позволяет выявить четыре общих тенденции мирового регулирования в данной сфере: движение от отраслевого к всеобъемлющему регулированию детских данных; усиление требований к реальной верификации родительского согласия; прямой запрет коммерческого профилирования несовершеннолетних; закрепление принципа наилучших интересов ребёнка как обязательного критерия законности обработки.

Анализ действующего Закона «О персональных данных» 2019 года через призму международных стандартов выявляет шесть системных пробелов. Д.А. Огай констатирует, что закон «оперирует единым понятием субъекта данных, не предусматривая дифференциации применительно к возрасту или дееспособности лица».¹⁸

Первый и наиболее фундаментальный пробел - полное отсутствие специального правового статуса несовершеннолетних. Закон применяет единые нормы к ребёнку и совершеннолетнему пользователю, что грубо противоречит принципу специальной охраны детей, воспринятому всеми рассмотренными правовыми системами. Н.Д. Раимова справедливо указывает, что «отсутствие специальных норм о дееспособности в сфере обработки персональных данных создаёт правовую неопределённость, при которой операторы могут полагать, что формального согласия несовершеннолетнего пользователя достаточно».¹⁹

Второй пробел - нерегулированность режима согласия применительно к детям: закон не определяет возрастного порога самостоятельного согласия, не обязывает получать согласие законного представителя и не устанавливает требований к его верификации.

Третий пробел - отсутствие запрета на профилирование несовершеннолетних: понятие «профилирование» в тексте закона вообще не упоминается. А.Э. Шайхов указывает, что данное упущение открывает возможность для неограниченной коммерческой эксплуатации поведенческих данных детей цифровыми платформами.²⁰

Четвёртый пробел - принцип наилучших интересов ребёнка, закреплённый в Законе «О гарантиях прав ребёнка» как общий принцип, не имплементирован в законодательство о персональных данных в качестве специального критерия законности обработки.

Пятый - слабость санкционного режима: закон не предусматривает повышенных санкций за нарушения применительно к данным несовершеннолетних.

Шестой - отсутствие специальных требований к образовательным цифровым платформам, обрабатывающим значительные объёмы детских данных в рамках программ цифровизации образования.

---

¹⁷Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL). Art. 31. Order No. 91 of the President of the PRC, Nov. 1, 2021.

¹⁸Огай Д.А. Проблемы защиты персональных данных в условиях цифровой экономики Узбекистана // Право и экономика. 2021. № 2. С. 38.

¹⁹Раимова Н.Д. Информационное право Узбекистана: проблемы и перспективы. Ташкент: ТГЮУ, 2022. С. 112.

²⁰Шайхов А.Э. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в цифровой среде // Право и государство. 2022. № 4. С. 45.

Предложения по совершенствованию законодательства

А.В. Минбалеев обоснованно указывает на необходимость формирования «многоуровневой системы принципов», учитывающей как универсальные правозащитные стандарты, так и специфику конкретного правового порядка.²¹ Исходя из данного тезиса, в целях устранения выявленных пробелов предлагаются следующие меры.

Первое. Принять Закон Республики Узбекистан «О защите персональных данных несовершеннолетних в цифровой среде», закрепляющий: дифференцированный возрастной режим согласия (до 14 лет - верифицированное согласие законного представителя; 14-18 лет - собственное согласие при информировании родителей); принцип наилучших интересов ребёнка как системообразующий критерий законности обработки; прямой запрет коммерческого профилирования и манипулятивных техник дизайна; безусловное право на удаление данных, собранных в детском возрасте. Данный подход органично вписывается в Стратегию «Узбекистан - 2030»,²² предусматривающую построение цифрового общества на основе верховенства права и защиты прав граждан.

Второе. Выбор между самостоятельным законом и специальной главой в действующем Законе «О персональных данных» должен решаться в пользу первого варианта. М. Маченайте и Э. Коста убедительно показывают, что специализированные акты о защите детских данных обеспечивают более высокую осведомлённость отрасли о требованиях соответствия по сравнению с отдельными главами в общих законах.²³

Третье. Дополнить Закон «О гарантиях прав ребёнка» специальной главой «Цифровые права несовершеннолетних», имплементирующей положения Общего комментария № 25 и закрепляющей право ребёнка на безопасную цифровую среду, конфиденциальность онлайн и доступную информацию об обработке его данных.

Четвёртое. Внести изменения в Кодекс об административной ответственности, предусмотрев повышенные санкции за нарушения требований к обработке данных несовершеннолетних - по образцу санкций GDPR (до 4% глобального годового оборота) и СОРРА. Данная мера обеспечит реальный превентивный эффект, отсутствие которого в настоящее время констатируется применительно к действующему регулированию.²⁴

Пятое. Разработать в рамках Стратегии «Цифровой Узбекистан - 2030»²⁵ Национальный план действий по цифровым правам детей на 2027-2030 годы, включающий дорожную карту имплементации законодательства, программу цифровой грамотности для несовершеннолетних и их законных представителей, а также механизм взаимодействия с ЮНИСЕФ и иными международными организациями.

Проведённый сравнительно-правовой анализ свидетельствует о том, что защита персональных данных несовершеннолетних в цифровой среде является одним из наиболее

---

²¹Минбалеев А.В. Принципы правового регулирования общественных отношений в сфере персональных данных // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 3. С. 46.

²²Указ Президента Республики Узбекистан «Об утверждении Стратегии «Узбекистан — 2030»» от 11 сентября 2023 г. № УП-158. Цель 4.3. <https://lex.uz>

²³Macenaite M., Kosta E. Consent for Processing Children's Personal Data in the EU // Information & Communications Technology Law. 2017. Vol. 26. No. 2. P. 153.

²⁴Закон Республики Узбекистан «О гарантиях прав ребёнка» от 7 января 2008 г. № ЗРУ-139. <https://lex.uz>

²⁵Постановление Президента Республики Узбекистан «О Стратегии «Цифровой Узбекистан — 2030»» от 5 октября 2020 г. № ПП-4820. <https://lex.uz>

динамично развивающихся направлений современного информационного права. Все рассмотренные правовые системы - ЕС, Великобритания, США, Бразилия, КНР - независимо от различий в правовой традиции признают необходимость специального режима охраны детских данных, строящегося на принципах наилучших интересов ребёнка, верифицированного родительского согласия, запрета коммерческого профилирования и встроенной защиты данных.

Законодательство Республики Узбекистан содержит конституционную основу и базовый закон в данной сфере, однако не предусматривает специального правового режима ни по одному из перечисленных параметров. В условиях масштабной цифровой трансформации, реализуемой в стране, устранение выявленных пробелов посредством принятия специального закона, дополнения смежного законодательства и усиления санкционного режима является не только научно обоснованной, но и практически неотложной задачей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция ООН о правах ребёнка: принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
2. Комитет ООН по правам ребёнка. Общий комментарий № 25 (2021) о правах детей в цифровой среде. CRC/C/GC/25.
3. Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547. URL: <https://lex.uz>
4. Конституция Республики Узбекистан (ред. 2023 г.). URL: <https://lex.uz>
5. Стратегия «Узбекистан — 2030». Указ Президента РУз № УП-158 от 11 сентября 2023 г.
6. Regulation (EU) 2016/679 (GDPR). OJ L 119, 4.5.2016.
7. Information Commissioner's Office. Age Appropriate Design Code. London: ICO, 2021.
8. Children's Online Privacy Protection Act of 1998 (COPPA). 15 U.S.C. §§ 6501–6506.
9. Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD). Lei N° 13.709/2018.
10. Personal Information Protection Law of the PRC (PIPL). Order No. 91, Nov. 1, 2021.
11. Огай Д.А. Проблемы защиты персональных данных в условиях цифровой экономики Узбекистана // Право и экономика. 2021. № 2. С. 35–41.
12. Раимова Н.Д. Информационное право Узбекистана: проблемы и перспективы. Ташкент: ТГЮУ, 2022. 248 с.
13. Шайхов А.Э. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних // Право и государство. 2022. № 4. С. 42–49.
14. Минбалеев А.В. Принципы правового регулирования персональных данных // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. Т. 20. № 3. С. 44–51.
15. Livingstone S., Stoilova M. The 4Cs: Classifying Online Risk to Children. Hamburg: HBI, 2021.
16. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism. New York: PublicAffairs, 2019.
17. Macenaite M., Kosta E. Consent for Processing Children's Personal Data in the EU // Information & Communications Technology Law. 2017. Vol. 26. No. 2. P. 146–163.
18. UNICEF. The State of the World's Children 2017: Children in a Digital World. New York, 2017.